

В. Е. Сеземан¹

РЕАЛЬНАЯ УСТАНОВКА
И «ЧИСТОЕ»
(БЕЗУСТАНОВОЧНОЕ)
ЗНАНИЕ.
(ИЗ РУКОПИСНОГО
НАСЛЕДИЯ)²

Задача *чистого* знания — дать, представить предмет таким, какой он *есть*, без изменений, без искажений. Всякие изменения, упрощения и проч[ее] по существу вносят в знание то, чего в нем в чистом виде не должно быть. Это — методы, орудия, вспомогательные приемы [получения] знания, но не его существо. Ложность всякой теории, которая рассматривает знание «как оформление» материала, как преодоление экстенсивного и интенсивного многообразия действительности и т.п. Это задачи «нечистого», практически ориентированного знания (каким отчасти является позитивное научное знание). Пусть достижение этой цели утопично — все-таки она направляла развитие знания. Поэтому чистое знание ищет как исходного пункта и источника, основы своей — «чистого» опыта. Чистота опыта определяется:

1) доподлинной данностью самого предмета (а не чего-либо, замещающего его);

2) исключением всего субъективного, всего, что не дано в объекте, а вносится в него субъектом.

Поэтому чистое знание по существу выходит за пределы всякой реальной установки, реального взаимоотношения между S и O (субъектом и объектом. — В.П.). Ибо, поскольку S остается реальностью, взаимодействующей с O, нет чистого O; оно пронизано моментами, исходящими от S.

Отсюда в теории познания отличие «логич[еского]» или «гносеологич[еского]» S от реального (психологич[еского]) S. Познание O — чистое, *бесстрастное* его созерцание (образ видения, ибо зрение — наиболее объективное, свободное от субъективных влияний чувство). *Дистанция* между S и O, оберегающая и обеспечивающая чистоту, нетронутость, целомудренность объекта (ненасилие над объектом, аскетическое к нему отношение).

Внежизненное отношение научного знания к предмету. Однако эта позиция знания осуществима непосредственно только по отношению к предметам внешнего мира; оно значительно затрудняется и осложняется, как только дело касается иных объектов.

Так, напр[имер], познание нравственное, эстетическое, религиозное.

Оно предполагает тоже нравств[енный], эстет[ический],

религиозн[ый] *опыт*. Но возможен ли он на расстоянии? При чисто созерцательном отношении к объекту? Со стороны, в качестве незаинтересованного наблюдателя?

Познание добра и зла как таковых (понимание их) возможно лишь потому, что есть нравственно-нейндивидуальное существо, [которое] хотя бы в малой степени переживает их в себе, есть добрый или злой человек (признает ценности добра и зла и оценивает на основании их все, что нравственно «релевантно», значимо). То же самое можно сказать по отношению к религиозному и эстетическому познанию.

Возможность его (религиозного. — В.П.) познания обусловлена наличием в самом познающем *религиозн[ого], эстетич[еского] бытия* (ср.: [неразб.] созерцает красоту, кто сам имеет в себе красоту, *причастен к ней*). Это «причастие» имеет по отношению к добру, к Божьему, к прекрасному разные значения; но повсюду оно означает наличие известн[ого] качественно определенного бытия. То есть оно предполагает *реальное* отношение между S и O, реальную связь. Это отношение, поскольку мы его рассматриваем со стороны познающего S, можно назвать *установкой*; только на почве религиозн[ой], нравств[енной], эстетич[еской] *установки* возможно нравств[венное], эстетич[еское], религ[иозное] познание. *Вне* ее оно невозможно; ибо самый смысл этих объектов останется нераскрытым, своеобразие их, самобытность —

¹ О жизни и творчестве Василия Эмильевича Сеземана см.: *Кантовский сборник*. 2010. 4(34). С. 76–79 (Послесловие к публикации.)

² Публикуемый текст является частью рукописи В.Э.Сеземана, которая хранится в библиотеке Вильнюсского университета (VUB RS F 122–71). Она состоит из трех относительно самостоятельных фрагментов: двух отрывков, написанных по-русски («К проблеме познания» и «Реальная установка и "чистое"») (безустановочное знание»), и нескольких страниц немецкого текста. Рукопись не датирована. Скорее всего, мы имеем дело с рабочими материалами — текстами, которые писались в первую очередь для себя и в таком виде к публикации не планировались. Этим объясняется эскизность некоторых фрагментов, большое количество сокращений, определенные стилистические огрехи. Но, несмотря на эти особенности, данная работа представляется безусловно интересной, а знакомство с ней — полезным. Все постраничные примечания, отмеченные звездочками, принадлежат автору. Пунктуация приведена в соответствии с современными нормами. Этот текст был впервые опубликован В.И. Повилайтисом незначительным тиражом в сборнике: *Русские философы в Литве*. Карсавин, Сеземан, Шилкарский. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 42–72.

невьявленной. Поэтому всякая попытка познать эти явления со стороны, по аналогии с предметами естественно-научного знания приводит к слепому, невидящему знанию, т.е. лжезнанию, не усматривающему как раз то, что составляет природу, сущность этих явлений. Тут нарушается требование доподлинной наличности, *данности* объекта знания.

А второе требование — исключение субъективного — как будто не применимо к этого рода знанию? Нет, оно применимо, но в несколько ином смысле, чем это было указано вначале. Чистота объекта должна быть сохранена и здесь, но объект при этом иной по существу: он не противостоит S как нечто внешнее ему, а захватывает S и представляет собой некоторое взаимоотношение S и O (мира) или нечто такое, что только в этом реальном взаимоотношении и через него раскрывается. Поэтому в данном познании S не познает только нечто *иное*, чуждое ему, а нечто такое, что хотя бы частично есть *оно само* или что в нем раскрывается. В этом смысле все эти виды познания содержат в себе момент *самопознания* или *проходят через него*.

Поэтому возможность их зависит от возможности *чистого* адекватного *самопознания* (об основах и возможности самопознания см. выше). Отсюда ясно: в основе своей знание не требует противоположности S и O (дистанции между ними). Оно требует ее лишь для своего завершения (закрепления и осуществления).

1. Выход за пределы реальной установки необходим для овладения знанием, для закрепления его (логич[еские] определения).

2. Для преодоления односторонности установки и для определения взаимной связи и соотношения разных установок.

Казалось бы, поэтому естественно-научная позиция знания и есть позиция истинного знания, т.е. знания безустановочного (без *реальной* установки), и что всякое знание должно равняться познанию естественно-научному.

Но *это не так*. Ибо при ближайшем рассмотрении оказывается, что само естеств[енно]-науч[ное] знание и характеризующая его противоположность S и O основаны на некоторой реальной, правда своеобразной, установке. Действительно: что для нее характерно? Выключение из O (мира в целом) S, т.е. всего того, что связывает реально S с K (космосом); объект его — это K минус S. Но это выключение не означает лишь выключение случайного, субъективного, т.е. тех односторонностей, искажений и прочего, которые вносит в познание (его предметное содержание) отдельный индивидуальный субъект, но всей сущностной природы S, всего, что отличает его от просто внешнего объекта (его внутр[енней] активности, его оценок, оценоч[ных] отношений и проч.). Ведь выключение S означает не только выключение его актов, направленных на O, но и всего того, что в этих актах постигается, что их вызывает, предметно обосновывает. Поэтому естественно-научная позиция не безустановочна; она не охватывает весь мир как целое, а лишь то, что остается за вычетом S. В этом смысле можно назвать ее *отрицательной* (*умалительной*). Биологич[еское] значение ее теперь уже достаточно выяснено: она обеспечивает человеку власть над природой, вскрывая, обнажая ее механическую структуру и закономерность (это, конечно, не субъективное построение ума, а *реальная* сторона самой природы, но именно только сторона, «анатомическое строение»). Биологич[еская] обоснованность делает ее бессознательной, полусознательной и этим сообщает ей характер абсолютной объективности, отсутствия односторонности. Что она не первична, показывает изучение мышления первобытных народов (Леви-Брюль), которому именно эта установка чужда и которое определяется совершенно другими установками.

Вот почему позиция чистого знания не совпадает с естественно-научной установкой. И притязания натурализма на монополию познавательного объективизма *неправомерны*. И обычная, и роковая ошибка не только натурализма, но и всякого позитивизма (европейск[ого] мышления) — в смешении позиции чистого знания и установки (отрицательной) естественно-научной, позитивистической. Но чем это смешение вызвано? Очевидно, некоторым сходством того и другого, сходством не случайным, а коренящимся в существе дела. В чем именно?

Примечание: в отличие от отрицат[ельной] установки естествознания другие установки могут быть названы «положительными» [неразб.]. Тот лишек, который они вносят в познаваемое, заключается не столько в реальной основе самой установки, ибо эта реальная основа (религиозное, нравственное, эстетическое и т. п.) сама относится к O как к целому (космосу), а в том, что эта установка все себе подчиняет, все собою окрашивает, имеет тенденцию абсолютироваться. Она не трансцендирует себя, не видит ничего, кроме себя, не сознает своей частности, ограниченности; это не значит, что все установки в этом отношении равны, т.е. одинаково относительны, условны, частичны; но как *установки* они имеют ограниченную, конечную природу (*установки — человеческие, тварные*). В этом смысле она (установка. — В.П.) обедняет мир, но вместе [с тем] сообщает всему какую-то особую печать. В этом смысле познавать можно в пределах самой установки только *ограниченно, догматично, предвзято, условно*; но не абсолютно, чисто, по существу; здесь даже чисто религиозное созерцание абсолюта — пребывающее в пределах самой установки — не есть еще «чистое» познание, абсолютное; доказательство ограниченности и *исключительности* всех установок; внутренние противоречия культуры духовной; сменяющие друг друга течения морализма, эстетизма, натурализма, теологизма, акосмизма (который не видит самостоятельной проблемы мира, человека).

Самая множественность установок – первичный факт. Заложена в обычной, «естественной» установке, в которой сменяются, попеременно преобладая, то одни, то другие; но никогда ни одна не достигает полной чистоты. В европейск[ом] сознании – преобладание естественно-научной установки (не так у других, например первобытных, народов). Речь не может поэтому идти о сведении одной установки на другую, а лишь о выяснении их внутр[енней] реальной связи и возможности установления извес[тного] иерархического порядка между ними.

Отличие установки от точки зрения: установка имеет свои реальные бытийные корни (в бытии нравственного, религиозного, эстетического и т. д.). Она не обладает поэтому только познавательным значением, а познават[ельный] ее момент вырастает из самого бытия. Потому она по существу не субъективна. Она лишь ограничена, не всеобъемлюща. Точка зрения, наоборот, чисто познавательна; характеризует лишь известную направленность познания (его исходный пункт, его метод внутр[еннего] развития); она может быть укоренена в установке реальной, но может определяться чисто познавательными и даже техническими моментами (рабоч[ая] гипотеза, фикция, [неразб.]). По существу точка зрения может быть оправдана только реальной установкой; смешение точки зрения с установкой (или, вернее, реально обоснованной точки зрения с чисто познават[ельно]-методолгич[еской]) приводило философию нередко в тупик и к самым искусственным, насилующим бытие построениям (ср.: марбургская филос[офия:] пан-методизм как онтологизм).

Примечание: обычно, говоря о чистом, непрактическом, и недогматическом знании отмечают, что оно должно быть беспредпосылочным. Это логическая формулировка – требование абсолютной чистоты знания (исходный пункт силлогизма). Но эта логическая формулировка (как всегда) не первична, а имеет свою реальную (онтическую) основу. Основная предпосылка всегда заключается не в том или ином положении или тезисе, а в точке зрения (обнимающей и выражающей собой обычно целый ряд, комплекс внутренне связанных между собой тезисов); бытийная же основа точки зрения есть установка. Поэтому правильнее говорить не о беспредпосылочном, а о безустановочном знании (пример: натурализм, прагматизм и т. п.).

Внутренняя диалектика знания.

(Здесь – объяснение того, почему происходит роковое смешение внешней установки с безустановочностью чистого знания.)

Итак: чистота знания требует безустановочности; ибо оно должно дать доподлинный, чистый объект (таким, какой он есть); не что-либо заменяющее его (суррогат). Но насколько чистое знание безустановочно – оно противопоставляет себя бытию. Реальный S всегда пребывает в какой-нибудь установке. Знание поэтому не может быть охарактеризовано как реальное онтическое отношение. Правда, можно возразить: все, что есть «нечто», тем самым «есть» – а постольку и знание охватывается бытием. Это верно, но в такой форме это рассуждение остается лишь формально-логическим и поэтому требует осторожного к себе отношения, дальнейшего уточнения и определения. Можно, конечно, его определить как ирреальное бытие. Но противоположность реального – ирреальное – вносится в бытие отчасти через знание и потому до известной степени предполагает его. Знание вторгается, врывается в бытие (реальность), но само таковым не становится. Во всяком случае так же, как невозможно определить бытие через знание (мышление) (утопия идеализма), так же невозможно определить знание через бытие. Оно в каком-то смысле вне его (например, понятие рефлексирования у Лейбница, у Гартмана).

Но эта одинаковая невозможность не означает, что знание и бытие коррелятивны или что они в каком-то онтологическом плане равносильны, равноправны. Бытийное по существу, бытие всегда первее знания, и знание всегда предполагает бытие. Тем не менее оно занимает по отношению к бытию совершенно особенное положение, которое ни с чем не сравнимо и не может быть сопоставлено с какими-то другими формами или определениями бытия.

Безустановочность чистого знания сообщает ему внежизненный, внереальный, внебытийный характер. Что это значит?

1. С одной стороны, на этом основана принципиальная бесконечность, или, точнее, всеобъемлемость знания. Выход за пределы реальности (реальной установки) – это значит выход за пределы конечности, тварности, ограниченности, неизбежно связанной со всякой реальной установкой. В знании человек действительно не только соприкасается непосредственно с бесконечностью, но приобщается к ней, каким-то образом осуществляет ее в себе. Я отрывается от самого себя, возносится над собой, смотрит на себя с птичьего полета. Оно как бы раздваивается на Я малое – действующее, суеящееся (реальное) – и Я большое, которое ко всему этому относится так же беспристрастно, как и [ко] всяким другим явлениям и событиям. Я через знание делается сопричастным всему миру – для его взглядов нет никаких пределов, границ. Оно видит не только перед собой, но и за собой; ибо видит и все другое, и себя, т. е. свое видение. На все оно может направить свой взор. Потенциально (в возможности) ему все дано как объект знания (и бытие, и бывание – пребывающее и изменчивое, общее и частное, физическое и психическое, духовное и материальное).

В знании как таковом человек действительно достигает чего-то абсолютного, божественного. Поэтому знание всегда казалось одним из путей к Богу, к уподоблению Божеству (Божественность знания. Трепет

человека перед величиим знания. Его религиозный характер). В этом правота немецкого идеализма. Он понял абсолютный характер знания и поэтому пытался построить на нем систему метафизики (платонизм; Фихте, Шеллинг, Гегель).

Самое замечательное в знании, в его существе: оно имеет себя и другое; оно может выходить за свои пределы; оно может отрицать свои законы (законы мышления), не упраздняя себя; оно может занять любую позицию по отношению к себе. Оно может говорить о непознаваемом, немыслимом, несознаваемом и т. п. И во всем этом есть *смысл*. Какой в точности — требует, конечно, выяснения. Но все это возможно именно только благодаря его принципиальной, сущностной неограниченности³.

2. Но с другой стороны: чистое (большое) Я всегда остается реально укорененным в малом реальном Я, вплетенным в реально-бытийные отношения и постольку пребывающим всегда в реальной установке. Поэтому и чистое знание может стать реальным фактором в жизни реального S, лишь приспособившись к реальным условиям его бытия, подчинившись им до известной степени, т. е. приняв обличие реальной установки. Ориентирующей в реальной жизни установкой является установка внешняя на мир объектов, т. е. установка с противостоящим S — O. И все другие познават[ельные] установки должны перейти во внешнюю (опредмечивающую), чтобы стать знанием самостоятельным, не заложенным и скрытым в бытии. Только опредметив познаваемое, субъект может им *овладеть* как *особой стихией*. В этом один из парадоксов тварного ограниченного бытия: владеть оно может только тем, что не есть оно само. Всякое овладение предполагает *технику*; т. е. способы действия, приемы по отношению к чему-то внешнему; предметному и предметно-данному⁴. Так дело обстоит и со знанием. Овладение им возможно лишь в пределах, в плоскости внешней установки, установки противопоставляющей O — S-у (объект субъекту. — В.П.). Вот почему и чистое знание — поскольку оно приобретает значение реального самостоятельного момента — необходимо принимает форму установки внешней — натуралистической. Но это именно только неизбежная, реально необходимая для него форма, но не форма, определяющая его существо. Одно из коренных заблуждений, от которых приходится страдать философии, — смешение этой *технической* формы знания (т. е. формы, необходимой для овладения и владения им) с его сущностной структурой. Техническая форма знания определяется:

- 1) внешней установкой; противостоянием O — S-у как трансцендентного и чуждого ему предмета;
- 2) приспособлением знания к конечности S. Отсюда тенденция к окончанию, к упрощению (квантификации), символизации и т. п.

Сюда относится вся область формально-логического в строгом смысле слова. Логич[ески]-аналитическая связь силлогизмов. Количественная сторона (объем) понятий. Самая структура понятий как совокупности признаков. Закон противоречия и многое другое. Сюда же относится и методология. Конечно, все эти *логические* моменты имеют свою реальную онтологическую основу и укоренены в *нелогическом*. Но как специфически формально-логическое они возможны лишь в той особой среде, которая создается познанием, поскольку оно становится самостоятельным реальным фактором, т. е. поскольку оно становится достоянием реального, конечного S. Формально-логическая связь представляет собой выделение механического момента в самом знании⁵. Понятия в формально-логическом аспекте — вещи, предметы, которыми ум S-а (субъекта — В.П.) распоряжается, владеет так же, как вещами. В формально-логическом аспекте существо знания, его смысл овнешняется, механизмуется, опредмечивается, очуждается. Вот почему засилье формально-логического начала близко засилью натуралистическому и часто одно сопрягается с другим (напр., ориентирование на математику [в] естествознании в связи [с] рационализмом-логизмом). Об этом родстве свидетельствуют тенденции математической логики, с одной стороны, и математизация естествознания — с другой.

Сюда относится риккертское понятие логической «формы», которая объемлет содержание (материал); его гетерологич[еский] принцип и многое другое. С этой стороны и должна подойти критика к Риккерт. Технически-формальная сторона знания заслоняет у него существо знания. Отсюда бесплодность (внутренняя пустота) его философии (при внешней стройности). Риккерт прав, поскольку утверждает, что одн[а] интуиция не дает еще знания, что требуется обработка в понятиях. Но не прав, приписывая этой обработке определяющее содержание знания значение (напр., понятиями, конструкциями разума являются для него физическое и психическое; непосредственная реальность ни физична, ни психична и т. п.)⁶. Это

³ Поэтому возникает вопрос: имеет ли смысл говорить, и если да, то какой, о принципах или законах познания? Означает ли это то же, что законы и принципы бытия (природы, математического бытия и т. д.)?

⁴ Чтобы стать самим собой, человек должен овладеть собою, но овладеть собой он может лишь частично отчуждая (отчуждая. — В.П.) себя, став для себя самого предметом, которым он может распоряжаться. Сравните технику овладения собой в разных этических системах. То, чем овладевает человек, — отчуждается, рассматривается как нечто противоположное ему самому.

⁵ В этом смысле формально-логический способ мышления и философствования (аргументирования) является очень часто орудием, прикрытием [неразб.].

⁶ Феноменология Гуссерля — открытое им эйдетическое знание — ясно показало, что не *εἶδος* укоренен в конституируемом с известной точки зрения понятии, а что, наоборот, понятие приобретает свою объективную значимость, лишь интендируя сущность и ориентируясь на нее в своем саморазвитии.

результат смешения: первичного, основного момента знания, собственно познания с вторичным, служащим *технике* знания, т. е. овладению им рядовым, конечным S-м (субъектом. — В.П.). Неизбежное сведение чистого знания к внешней — натуралистической — установке (основанной на противоположности S и O) не должно быть истолковано в том смысле, что в этой установке и во всех характерных ее моментах и заключается подлинное существо чистого знания.

Завершением этого процесса овладения знанием, его кристаллизации и перевода в установку внешнюю (опредмечивающую) и является облечение его в *словесную форму*. Воплощенное в слово понятие (знание) становится предметом в подлинном смысле слова. Оно до конца объективировано⁷. Тесная связь грамматики с формальной логикой. Одна из ее основ — это *формально-логический момент*. Мифология слова, его овеществление и осуществляющееся через его посредство овеществление *понятий* (гипостазирование) — неизбежное следствие его внутренней связи с опредмечивающей установкой. Поэтому язык как таковой уже вносит в знание некоторую односторонность познавательной перспективы и способствует — неизбежно — затемнению и искажению его подлинного содержания и природы («Мысль изреченная есть ложь»). Наряду с полупредметной логической сферой и отчасти вырастая из нее, сплетаясь с ней, возникает еще менее предметная *словесная сфера* — сфера мнимо-предметная. Возведение ее в подлинную реальность есть софистика. Проблема софистики (экскурс). Формально-логическое как таковое висит в воздухе. Оно должно либо опираться на реальную предметность (научную, трансцендентально-логическую), либо же выродиться в софистику слова.

Однако последствия, возникающие из неизбежного перевода всякого знания в объективирующую установку, идут еще глубже и дальше. Действительно: опредмечивающая установка, как мы видели, основана на выключении S из Космоса (целостного O), в силу чего O противостоит S-у как чуждое ему, иное, *трансцендентное ему*. Поэтому во всяком строго последовательно объективирующем знании получается антиномия: овладевая объектом, познавая его именно как объект, знание (S) делает его по отношению к себе и K(S) трансцендентным. Знанию открываются всегда лишь стороны, объекты, аспекты — и притом внешние; оно не может постигнуть объект изнутри, проникнуть в то, что скрывается за его внешней оболочкой, за его внешним «явлением». В этом смысле объективирующее знание (знание внешнего мира) носит неизбежно на себе печать «феноменальности». И эта феноменальность не эмпирическая, случайная, а заложена в самом его существе, т. е. в той установке, из которой оно вырастает. Поэтому оно не может быть по существу метафизическим и неизбежно приводит в феноменалистическому позитивизму⁸. Естественно-научное знание (точные науки) может быть только позитивным, поскольку оно не выходит за рамки той установки, которой обусловлено. (Поэтому при последовательном проведении она изгоняет из естествознания понятие силы или пользуется им только инструментально; точно так же и понятие энергии утратило в нем свое первоначальное значение «действенной» силы. Все эти сущности (данности) недоступны строго последовательной внешне-объективирующей установке. Они заимствованы из сферы познаваемого, открывающейся другим установкам).

Но какое значение имеет этот перевод в объективирующую установку для знания вообще, для чистого знания? Противопоставляя, дистанцируя O по отношению к S, она отчуждает O от себя; а так как O и есть все бытие (в том числе и сам S с его отношением к O), то оно тем самым *отрывается* от O, т. е. от Бытия. Оно как бы вне бытия, созерцая его со стороны. Оно бесконечно, абсолютно, но вместе с тем внебытийственно, *меонично*. Оно есть не-бытие. Бесконечность его покупается ценою небытийности (отрыва от бытия). Отсюда великие опасности для знания в целом (для чистого знания): это утрата *бытийности*, т. е. своего подлинного существа, как следствие отчужденности от бытия. Опасность этого для всех видов познания, связанных с самопознанием или обусловленных им, основанных на нем (в частности, для психологического знания) была показана выше. Рассмотрим их по отношению к самопознанию человека (культуры духовной и пр.) еще подробнее.

Последствия этого сдвига установок в пределах знания.

1. Установка внешняя (противополагающая), свойственная естественным наукам, получает преимущество перед другими: она как будто ближе к бытию, онтологичнее; ибо овладение знанием не требует перемены установки; и всякое знание, проистекающее из другой установки, все-таки ориентируется на нее, руководствуется ею, в значительной мере заимствует у нее свой методический арсенал (ибо сам язык, формальная логика и прочее связаны в известном отношении с внешней установкой и обусловлены ею) (момент объективирования).

⁷ Только в смысле перевода всякого знания в плоскость внешней установки (противопоставления, дистанцирования и облечения в слово-понятие O по отношению к S) речь об объективировании, свойственном всякому знанию, является правомерной. Но это не значит, что объективирование выражает существо всякого знания.

⁸ Эту феноменальность не следует, конечно, понимать в субъективистическом смысле, будто естествознание познает лишь субъективные явления, «отражения» вещей в сознании, а только в смысле зависимости его от объективирующей установки, которая характеризуется не своей субъективной обусловленностью, а своей ограниченностью (ср. характеристики ее как установки «умалительной»).

Внешняя установка вместе с тем является естественной («врожденной», что верно только частично, по отношению к европейскому человеку), практически обоснованной и оправданной, и поэтому для наивного философствования (а таким в большинстве случаев является философствование представителей специальных, и особенно точных, наук) будет всегда казаться истинно-реальной и основополагающей (философия здравого смысла). Но преимущество это только относительное [неразб.]. Это вытекает: 1) из того, что естественно-научная (внешняя, опредмечивающая) установка относительна и не совпадает с абсолютной (смотри выше); 2) из того, что хотя плоскость установки при овладении знанием и фиксации не меняется, однако овладение и фиксирование все-таки представляет собой *особый вторичный акт*, т. е. тоже требует выхода из непосредственного созерцания, имени предмета и раскрытия его в особых логических актах (понятия, суждения, умозаключения, анализа, синтеза) и фиксации в терминах-понятиях. Таким образом, и здесь между S и O вклинивается некая средняя область — знания, представляющие собой некоторую особую феноменальную реальность.

Самим знанием, поскольку оно отдает себе отчет в своем истинном значении и своих задачах (своем смысле), эта реализация его в чем-то особом, третьем, ощущается всегда как некоторый недостаток, который оно тем или иным способом пытается преодолеть. Ибо по существу, по смыслу своему знание не хочет и не должно быть особым бытием помимо того бытия, которое оно познает. Оно хочет постигнуть бытие, но само помимо постигаемого им бытия должно быть не-бытием. Иначе оно обращается в «отображение» — в копию бытия; и борьба гносеологии против теории отображения вполне понятна и обоснована, поскольку она искажает смысл знания; но в ней есть доля фактич[еской] истины. Ибо эта средняя, промежуточная между S и O область действительно существует. Но она не выражает сущность знания и является следствием его несовершенства, того внутреннего сдвига в установках, той реальной обусловленности безустановочности знания реальными установками (и в частности, опредмечивающей), о которой речь была выше. Успокоиться на этом может лишь условное, относительное знание, которое исходит из некоторых общих, им самим не оправдываемых и не исследуемых посылок. Таково знание всех положительных наук. Но философия как абсолютное знание или интенция на таковое не может на этом остановиться. Там, где она это делает, она утрачивает свою самостоятельность и попадает в принципиальную, сущностную зависимость от положительных наук⁹.

Но чтобы преодолеть этот свой внутренний порок (свою однобокость, свою обусловленность опредмечивающей установкой и наличностью промежуточной сферы (в которой луч знания как бы преломляется [неразб.], до известной степени изменяется)). Знание, поскольку оно направлено на Абсолютное, т. е. имеет философский характер, должно принять, признать этот факт и, приняв его, обрести те пути, которые могли бы его вывести из этого тупика, т. е. восстановить свою чистоту (в каком-то ином смысле), свою бытийность, прийти опять в соприкосновение с подлинным объектом (бытием). Как это возможно? Прежде всего это касается тех видов знания, которые основаны на самопознании и требуют перевода своей первичной установки на установку опредмечивающую. Здесь необходимо, очевидно, чтобы вторичная установка сохранила связь с первичной, чтобы она снова и снова к ней возвращалась и из нее черпала свое подлинное содержание. Иначе говоря: фиксация значения во вторичной (опредмечивающей) установке должна быть такова, чтобы не заслонить собой первичную установку, которая ее питает, а наоборот, направить внимание S (воспринимающего и понимающего, воспроизводящего в себе знание) на то, что дано в чистом виде в первичной установке. Стало быть, для философии вторичная установка никогда не должна становиться *самодовлеющей*, пребывающей в себе, а всегда преодолевающей себя, трансцендирующе устремляющейся и направленной к восстановлению первичной установки. Игра на двух реестрах; но один основной, другой лишь проективный, служащий первому. (В этом — оправдание двойной бухгалтерии Мюнстерберга.) Достигнуть это[го] можно только особым *стилем*, выражающим особые интенции и устремления философского мышления и *знания*. Этот стиль должен отличаться от чисто научного, ибо интенции филос[офского] знания отличаются от интенций научного знания. *Проблема стиля* для философии поэтому не внешняя, не периферическая, а затрагивающая ее существо как особого вида знания. (Об этом особо.) Во всяком случае, в философском стиле символический элемент должен приобрести большее значение, чем в науке. Ибо область средств, методов, путей (промежуточная сфера) здесь сознается именно только как имеющая посредствующее, вспомогательное значение. Это пособия, не больше. В них самих (в филос[офском] стиле) должно лежать указание на то, что находится за их пределами, на что они направлены, что определяет и оправдывает их смысл и существование. Но эта символичность философского стиля не должна быть смешиваема с символичностью искусства. В этом

⁹ В этом смысле ложно всякое принципиальное (по смыслу) ориентирование философии на науку. Но ложно также и всякое понимание знания, которое видит ее задачу в создании этой третьей, промежуточной между S и O сферы. Напр[имер], когда знание определяется как язык символов, замещающих предмет (Cassirer), или как построение бытия (предмета) мышлением (Коген), или как логическая обработка действительности и преобразование ее в систему понятий; или как чистый *метод*. Во всех этих случаях средства осуществления, орудия, путь смешиваются с целью, с интенцией, с внутренним смыслом знания.

тоже большая опасность и соблазн. — В этом направлении идут, по-видимому, искания *Кейзарлинга* и его интерпретатора *Фельдкеллера*.

(Окончание в следующем номере.)

Редакция, подготовка к публикации и примечания В. И. Повилайтиса